

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

О. В. КУДРЯВЦЕВ, Эллинические провинции Балканского полуострова во втором веке нашей эры, М., Изд-во АН СССР, 1954, 364 стр., тираж 2500 экз., цена 15 руб.

В науке римским провинциям уделяется сравнительно мало внимания. Если по истории Италии и собственно Рима написано бесчисленное количество книг, то имеется сравнительно мало сводных работ, дающих общую историю отдельных провинций или групп их.

Однако, как справедливо замечает автор разбираемой монографии, «история провинций представляет собой одну из важнейших проблем истории античного мира. По существу, именно история провинций дает ключ к пониманию основных процессов исторического развития Средиземноморья от установления римского владычества по берегам Средиземного моря до конца существования рабовладельческого строя. Только изучение истории провинций может превратить историю Римской империи из истории императоров в подлинную историю последних столетий античного рабовладельческого общества...» (стр. 345).

С этой точки зрения, работа покойного О. В. Кудрявцева заполняет большую брешь, которая имела в своих трудах по истории римских провинций. Заслуга автора в выборе предмета своего исследования тем более велика, что он остановился на теме, наименее исследованной, а внешне наименее «эффектной».

Действительно, история Эллады во II в. н. э. едва ли может привлечь исследователя и читателя какими-нибудь «занимательными» моментами. Источники не сохранили никаких драматических событий (о вторжении костобоков мы, в сущности, почти ничего не знаем), а самой яркой личностью является крупный землевладелец, ростовщик, римский сенатор и весьма посредственный философ Герод Аттик. И дело здесь не столько в плохом состоянии источников, сколько в самом характере рабовладельческого общества Эллады II в. н. э., которое в этот период находилось в состоянии глубокого упадка и разложения. Вместе с тем «провинция Ахайя, — пишет О. В. Кудрявцев, — дает возможность показать в наиболее чистом виде закономерности развития античного рабовладельческого общества в период его окончательного упадка» (стр. 33).

Монография О. В. Кудрявцева представляет собой часть его большой исследовательской работы по истории римских провинций и римской провинциальной политики¹. Монография состоит из трех частей. Первая посвящена общим закономерностям развития Римской империи и эллинических областей Балканского полуострова, вторая — провинции Ахайе, третья — Эпиру и Македонии. Каждая часть распадается на главы. Заключение подводит общий итог исследованию.

¹ Кроме рецензируемой монографии, см. статьи О. В. Кудрявцева о восточной политике Римской империи в I в. н. э. (ВДИ, 1948, № 2 и 3; 1949, № 3); о вторжении костобоков — ВДИ, 1950, № 3; о вторжении мавров в испанские провинции — ВДИ, 1950, № 4; о римской провинции Каппадокии — ВДИ, 1955, № 2.

Первая глава первой части — «Значение Римской империи в развитии античного рабовладельческого общества» касается ряда важных методологических проблем, решая их в том направлении, которое за последние годы наметила советская историческая наука. Бесспорно, что Римская империя была образована путем завоевания и включала в себя различные племена и народности. «Отдельные области, входившие в состав империи, к моменту ее возникновения и в значительной степени на всем протяжении ее истории стояли на различных ступенях экономического развития... Империя на всем протяжении своей истории не имела ни единой экономической базы, ни общего языка» (стр. 5).

Однако характер и значение объединения, которое представляла собой Римская империя, понимаются иногда слишком упрощенно. Забывают, что Римская империя просуществовала почти пять столетий, что хотя она и не имела единой экономической базы, но обладала единой тенденцией экономического развития и довольно прочными экономическими связями. Известная непрочность и насильственный характер объединения были общей чертой рабовладельческих и раннефеодальных империй, в особенности выступающей при сравнении их с более прочными государственными образованиями позднефеодального и капиталистического периодов. Но при этом не нужно забывать конкретные особенности каждой из таких империй. Если можно поставить на одну доску монархию Александра Македонского и империю Карла Великого, то необходимы значительные оговорки при сближении их с империей Флавиев и Антонинов. Поэтому мне кажется, что О. В. Кудрявцеву не следовало безоговорочно подчеркивать насильственный характер объединения, достигнутого в Римской империи.

Далее автор касается чрезвычайно важной проблемы возникновения империи и кризиса полиса. Он совершенно прав, когда говорит, что итальянские гражданские общины, *civitates*, несмотря на их своеобразие, по типу организации и форме собственности не отличались принципиально от эллинистических городов-государств, полисов. Поэтому итальянская федерация Рима, а позднее римская средиземноморская держава и в известной мере даже ранняя империя являлись своеобразной системой полисов. Далее автор подчеркивает, что полис только до известных границ давал возможность развития рабовладельческого строя. Характер полисной земельной собственности тормозил развитие рабовладельческого хозяйства и рабовладельческой собственности. Поэтому в определенный момент наступал кризис полиса, выражавшийся прежде всего в процессе концентрации земли и разорении мелких свободных производителей: крестьян и ремесленников.

Экономический кризис полиса сопровождался политическим. Увеличение количества рабов и люмпен-пролетариев, обострение форм социально-политической борьбы привели к тому, что «полис как государственная форма перестал удовлетворять задачам подавления эксплуатируемых» (стр. 14). Поэтому возникает тенденция к политической централизации в форме федерации полисов под гегемонией одного из них (Афинская арха, Римская республика), или включения полисов в крупные монархические государства (эллинистические монархии, Римская империя).

Необходимо особенно подчеркнуть, как это и делает автор монографии, что «кризис полиса как таковой ни в коем случае нельзя отождествлять с кризисом рабовладельческого способа производства в целом» (стр. 11). Действительно, кризис эллинистических полисов, начавшийся в конце V в. до н. э., происходил одновременно с максимальным развитием в Греции рабства. Аналогично этому кризис римского полиса, иначе говоря — кризис Римской республики, «совпал по времени с наивысшим развитием рабовладельческого способа производства в Средиземноморье» (стр. 15). Кризис полиса был кризисом полисной политической надстройки (республики демократической или олигархической), вызванным разложением мелкой свободной собственности, которая являлась базой классического полиса. Кризис полиса был не кризисом рабовладельческого способа производства, а, наоборот, выражением его наивысшего расцвета.

Однако кризис полиса не означал его исчезновения. О. В. Кудрявцев совершенно прав, когда говорит, что «основной формой распространения развитых рабовладель-

ческих отношений было распространение рабовладельческого полиса. Равномерное распределение земли, характерное для классического полиса, было нарушено, полис перестал быть независимым городом-государством, но, как основная общественная единица античного мира, городская гражданская община полностью сохранила свое значение...» (стр. 18). Добавим, что такая стойкость полиса была вызвана его классово-природой и организационной структурой. Полис как организация коллектива рабовладельцев являлся наиболее совершенной социальной формой, выработанной в процессе развития рабства. Вот почему даже после упадка классического полиса полисная организация продолжала существовать в рамках эллинистических монархий и Римской империи.

Третьим вопросом первой главы является проблема кризиса рабовладельческого способа производства. В старых центрах рабства — в Греции, в Италии первые симптомы кризиса появляются очень рано: в Греции уже во второй половине III в. до н. э., в Италии на два столетия позже — во второй половине I в. до н. э. Однако на этих ограниченных территориях предпосылки для перехода к более высокой системе производства или полностью отсутствовали (Эллада), или были ничтожны (Италия). Римская империя открыла широкие возможности дальнейшего развития рабовладельческих отношений и создания предпосылок для перехода к феодализму: «лишь утилизация развитым рабовладельческим строем, сложившимся в Средиземноморье, экономических ресурсов доступной ему периферии позволила ему до конца исчерпать возможности своего развития» (стр. 20).

Все это верно. Однако мне кажется, что О. В. Кудрявцев слишком односторонне подчеркивает экстенсивный характер распространения рабовладельческих отношений на новые территории Средиземноморья (стр. 18, 20). Термин «экстенсивное развитие» в применении к рабовладельческому строю может означать или простое территориальное расширение рабства независимо от степени его интенсификации, и тогда термин условно можно принять, или он означает, что вероятнее, только количественный рост, без всякого качественного изменения, и тогда употребление термина неправильно или в лучшем случае, крайне спорно.

Действительно, можно ли принять без всяких доказательств, что рабовладельческие отношения в первые два столетия империи расширялись только экстенсивно, т. е. без всякого качественного роста? Экстенсивное развитие рабства (употребляя термин в его втором значении, а в таком значении им, по всей вероятности, и пользовался автор) означает, что степень интенсификации рабского труда (производительность труда рабов, трудовые навыки, техническая сторона производства и пр.) осталась на прежнем уровне, т. е. на уровне, достигнутом на старых территориях рабовладения в последнее столетие Римской республики. Но это не так.

Развитие рабовладельческих отношений в новых римских провинциях не было простым механическим копированием системы отношений, существовавшей в старых центрах; была не только экстенсификация, но и интенсификация. О. В. Кудрявцев сам совершенно правильно констатирует экономический подъем периода ранней империи, который совершался на основе рабовладельческих производственных отношений (стр. 26). Но возможен ли экономический подъем без каких-либо качественных изменений в способе эксплуатации? Возможна ли экстенсификация без интенсификации? Для периода ранней империи характерен значительный рост техники: распространение водяной мельницы, колесного плуга, «жнейки», стекольного производства, лужения посуды, латунного производства, развитие строительной техники и т. д. Но технический прогресс без некоторой интенсификации способа производства невозможен. Конечно, эта интенсификация в условиях рабства часто достигалась применением смягченных форм эксплуатации: отпуском рабов на пекулий, колонатными отношениями, вольноотпущенничеством и пр. Но ведь все это происходило еще в рамках рабовладельческого способа производства, основным производителем в первые два столетия империи продолжал оставаться раб. Таким образом, понимание О. В. Кудрявцевым чисто экстенсивного расширения рабовладельческих отношений на новые области Средиземноморья в период ранней империи нуждается в уточнении.

Правильно решает автор вопрос о положении при империи провинций. Несмотря на то, что количество выкачиваемых из них ценностей по сравнению с республиканским периодом, вероятно, возросло, однако более упорядоченная форма эксплуатации, сокращение войн, отмена откупной системы и пр. благоприятно отразились на положении провинций. Решающую роль играл здесь факт расширения правящего класса империи по сравнению с республикой (стр. 24).

Однако не на все провинции римское господство действовало одинаково. Те старые провинции (Ахайя, Македония, Сицилия), где развитые рабовладельческие отношения сложились задолго до римского завоевания, переживали упадок. Римское господство «искусственно консервировало в этих провинциях рабовладельческий строй на стадии его разложения, увековечивая тем самым запустение и упадок» (стр. 25). Те же провинции, в которых рабовладельческая система сложилась уже после римского завоевания и под его влиянием (большинство европейских и африканских провинций), переживали в период ранней империи экономический подъем.

Не совсем ясно в этой классификации место азиатских провинций и Египта. О. В. Кудрявцев находит, что они были в особом положении (стр. 26), так как, с одной стороны, римское завоевание принесло с собой дальнейшее развитие рабовладельческих отношений, а с другой — оно подавляло элементы феодализма, которые возникли здесь раньше, чем в других местах. Однако это не дает ответа на вопрос, в каком же положении находились эти провинции, переживали они упадок или подъем, — а как раз с этой точки зрения и проводится деление провинций.

Последний раздел первой главы — «Формирование элементов феодализма и общий кризис рабовладельческого строя» не вызывает возражений. О. В. Кудрявцев избегал обеих крайностей в понимании феодализации Римской империи: ее переоценки, с одной стороны, и недооценки — с другой. В рамках рабовладельческих производственных отношений, при наличии рабовладельческой надстройки начинают складываться элементы феодализма. Автор нашел удачный термин для обозначения этих складывающихся элементов: эмбриональная форма (стр. 26, 27). Действительно, нельзя отрицать наличия в Римской империи процессов, которые едва ли могут быть названы иначе, как процессами феодализации.

Из ряда мест монографии можно видеть, что ее автор отождествляет античную форму собственности с полисной формой (см., например, стр. 7, 18, 30, 81, 305 и др.). Однако античная собственность есть не что иное, как развитая рабовладельческая собственность (в отличие, например, от ранних форм рабовладельческой собственности на древнем Востоке). Характеризуя ее только как полисную собственность, мы подменяем содержание рабовладельческой собственности ее формой, так как основной и существеннейшей чертой рабовладельческой собственности является собственность рабовладельца на средства производства и на непосредственного производителя — раба¹. Конечно, полисная рабовладельческая собственность имеет ряд особенностей, на которые впервые указали Маркс и Энгельс, однако эти особенности формы, т. е. распределения собственности, не должны закрывать от нас ее существа, т. е. классового содержания.

Вторая глава первой части посвящена положению эллинских провинций Балканского полуострова в системе Римской империи, их истории в классический и эллинистический периоды, а также римскому завоеванию и римскому владычеству в период республики. Здесь представляет интерес деление провинций на две группы. К первой группе принадлежат старые эллинские территории — целиком провинция Ахайя и в значительной части Эпир и Македония. В этих частях Балканского полуострова рабовладельческий строй сложился еще в глубокой древности и к моменту римского завоевания переживал глубокий упадок. Вторую группу составляет Фракия, а также северные части Эпира и Македонии. В этих областях развитые рабовладельческие от-

¹ На это обстоятельство указывал А. П. Каждан в полемике с Е. М. Штаерман (ВДИ, 1953, № 3, стр. 79).

ношения складываются очень поздно, достигая своего расцвета только в период империи. Это деление, отражающее различие социальных структур двух групп провинций, важно с точки зрения исторического анализа.

Наиболее исследовательский и самостоятельный характер носят вторая («Ахайя») и третья («Эпир и Македония») части монографии. Обе они основаны на колоссальном материале как источников, так и научной литературы. Особенно нужно подчеркнуть широкое использование надписей. Об огромном размере исследовательской работы, проделанной автором, свидетельствует хотя бы аппарат примечаний. Некоторые примечания настолько велики, что представляют собой самостоятельные исследования. Таково, например, примечание 3 на стр. 172—174, примечание 3 на стр. 185—187, примечание на стр. 218—219, примечание 2 на стр. 148—149 и др. Восстановление эпиграфических текстов и их переводы, а также переводы литературных источников, как правило, сделаны очень хорошо и, за исключением кое-каких мелочей, не вызывают возражений. Просматривая примечания, поражаешься огромным знаниям О. В. Кудрявцева во всех областях науки об античности, а также тщательностью и тщательностью его анализа.

Среди очерков второй части особый интерес представляют главы IV и VII: «Афины» и «Внешнее положение Ахайи. Вторжение костобоков». В главе об Афинах мастерскому анализу подвергнуты материалы, относящиеся к Героду Аттику. Фигура этого последнего интересна тем, что он был типичным представителем провинциальной аристократии, подвергшейся сращиванию с аристократией римской. Этот процесс образования общимперской рабовладельческой знати, завершившийся во II в. н. э., имел огромное значение с точки зрения консолидации класса имперских рабовладельцев и последнего расцвета Римской империи накануне ее кризиса. С этой точки зрения, фигура Герода Аттика представляет интерес, далеко выходящий за местные, афинские рамки. Такой же общий интерес имеет борьба Герода Аттика с афинским демосом. Это была борьба афинского народа против ростовщического капитала и опирающейся на него олигархии. Вместе с тем в ней проявилась борьба за власть отдельных олигархических группировок.

Глава о костобоках представляет исчерпывающую сводку и тщательный разбор всех данных об этом загадочном племени и его вторжении на Балканский полуостров. К сожалению, характер источников не дает возможности дать обстоятельный ответ на ряд основных вопросов: о происхождении костобоков, их общественном строе, о путях их проникновения в Ахайю и т. д. Тем не менее значение этой главы велико. На данном уровне науки она представляет последнее слово в постановке проблемы костобоков. И вряд ли возможно после исследования О. В. Кудрявцева и до появления новых источников сказать что-нибудь существенно новое в этом вопросе.

Очень интересен общий очерк социально-экономического строя провинции Ахайи (стр. 62—116). Это первая в литературе серьезная попытка исследовать экономику и социальные отношения Греции периода империи. Перед нами встает яркая картина запустения некогда передовой области Средиземноморья, состояния ее сельского хозяйства и аграрных отношений¹, рабовладения и городской жизни. Единственный формальный упрек, который можно сделать автору,— это за смешение понятий «Эллада» и «Ахайя». Такое смешение мы находим на стр. 76, 77, 79, 81 и др. Его можно извинить, поскольку при анализе социально-экономических отношений выделить провинцию Ахайю из общего комплекса Эллады крайне трудно.

Третья часть монографии, где идет речь об Эпире и Македонии, значительно уступает первой по объему. Это объясняется и меньшим количеством источников и меньшим значением этих провинций по сравнению с Ахайей. Однако это не снижает значительного интереса, который представляют Эпир и Македония как провинции переходного типа. «В Эпире и Македонии особенности, характерные для развитого рабовладельческого общества, сочетались с пережитками первобытно-общинного строя» (стр. 289). О. В. Кудрявцев с большим искусством извлек из немногочисленных источников все,

¹ Очень остроумен анализ аттической надписи IG, II—III², 2, 2776 (стр. 81—87).

что они могут дать. Мы имеем теперь, впервые в нашей научной литературе, правильный анализ общественного строя Эпира и Македонии накануне общего кризиса Римской империи.

Одно замечание по поводу использования источников. Для характеристики экономики Южной Македонии и Фессалии О. В. Кудрявцев ссылается на Апулея (стр. 319; стр. 79, прим. 1; стр. 108, прим. 2). Хотя эти ссылки он сопровождает оговоркой, что «не следует, разумеется, воспринимать рассказ Апулея как фотографическое воспроизведение фессалийской действительности» (стр. 319), однако считает возможным использовать материал Апулея для общей характеристики экономической жизни Фессалии и Македонии. Апулей, конечно, знал условия греческой жизни, в частности условия Македонии и Фессалии, но знал их как путешественник. Несомненно, что, описывая в своем романе Фессалию, он в действительности имел перед глазами прекрасно ему знакомую Северную Африку.

Монография О. В. Кудрявцева представляет серьезную научную работу, характеризующую ее автора как зрелого ученого, обладавшего огромными знаниями и в совершенстве владевшего методологией и методикой исторического исследования. Нет никакого сомнения в том, что О. В. Кудрявцев мог бы явиться автором еще ряда выдающихся работ по истории античного мира. Преждевременная смерть О. В. является тяжелым ударом для советской науки.

Проф. С. И. Ковалев

* * *

Книга безвременно ушедшего от нас Олега Всеволодовича Кудрявцева состоит из трех частей и заключения. В первой части автор рассматривает общие закономерности развития Римской империи, останавливаясь при этом на своеобразии положения эллинических провинций Балканского полуострова, к числу которых он относит Ахайю, Эпир и Македонию. Основная часть работы (стр. 51—286) посвящена детальному рассмотрению экономики, политического строя, внешнего положения и идеологической жизни Ахайи; отдельно исследуется римская политика по отношению к Ахайе, а также судьбы Афин, Коринфа и некоторых других городов. В последней части столь же всесторонне, хотя и более кратко рассматривается положение Македонии и Эпира. Работа, основанная на изучении разнообразных источников, посвящена актуальной и недостаточно изученной проблеме и несомненно будет содействовать развитию наших представлений об истории поздней античности.

Несомненно, без изучения истории провинций нельзя воссоздать картину жизни Римской империи. Однако эта тема, как всякое локальное исследование, представляет большие трудности: перед исследователем стоит опасность увлечься интересными деталями и выпустить из поля зрения главное — основные контуры процесса, лишь частью которого являлись судьбы данной местности. Однако О. В. Кудрявцев избежал этой опасности: в рецензируемой работе локальная история рассматривается в определенной связи с основными процессами истории империи.

Книга содержит интересный фактический материал и важные выводы. В частности, мне представляется чрезвычайно существенным суждение О. В. Кудрявцева, что кризис полиса не есть кризис рабовладельческой системы хозяйства, что, наоборот, кризис полиса есть необходимое условие для прогрессивного развития рабовладельческого способа производства (стр. 11): рабовладельческое производство только тогда достигает полного расцвета, когда разрушает полисные ограничения. Автор, несомненно, прав, когда подчеркивает, что во II в. н. э. «античная форма собственности сохранялась в городах Эллады только формально» (стр. 81). Правильно намечены автором различия общественного и политического строя рабовладельческих полисов Востока и Запада (стр. 20, 102), убедительно его суждение, что «колонат не может быть выведен непосредственно из рабства» (стр. 94). Правильно объясняет О. В. Кудрявцев и причины того, что римское завоевание не могло уничтожить полис, «основную социаль-

но-политическую единицу эллинистического мира» (стр. 119 сл.). Следует отметить также четкую характеристику автором классовой борьбы (стр. 170 сл., 220 сл.), анализ политического строя Ахайи (стр. 118 сл.), исследование архаических тенденций эллинской культуры II в. (стр. 279 сл.) и многое другое. Метод исследования О. В. Кудрявцева: тщательный, скрупулезный анализ терминов, сопоставление различных источников, пересмотр традиционной датировки отдельных фактов — дает ему возможность на основании исследования скудных известий источников строить широкие и интересные выводы. В этом отношении особенно показательна глава, посвященная исследованию известий о вторжении костобоков (стр. 245 сл.). Детально анализируя Элевсинскую речь Элия Аристиды и эпиграфические данные, автор убедительно датирует нашествие костобоков 170 годом (стр. 257); затем он тщательно изучает известия о месте обитания костобоков, их этнической принадлежности и общественном строе; несомненно, заслуживает внимания осторожно высказанная О. В. Кудрявцевым гипотеза о том, что костобоки принадлежали к числу племен, являвшихся носителями культуры «полей погребений» (стр. 263). Наконец, автор рассматривает ход вторжения костобоков и его последствия. Он, бесспорно, прав, видя в нашествии костобоков предвестника грандиозных вторжений III века (стр. 271).

Общественные отношения II века О. В. Кудрявцев рассматривает в развитии, постоянно сопоставляя их с предшествующим и — реже — с последующим историческим этапом.

Вместе с тем отдельные положения книги представляются недостаточно ясными, а иногда — сомнительными и спорными.

Прежде всего несколько замечаний относительно источников. О. В. Кудрявцев, всесторонне исследовав эпиграфический материал, уделил, как мне кажется, недостаточное внимание источникам другого типа. Это относится, в первую очередь, к археологическим памятникам. Автор знает о раскопках в Афинах, Спарте, Коринфе, Дельфах и Олимпии (стр. 53 сл.), спорадически ссылается на археологический материал (стр. 107)¹, однако не дает его систематического обследования, тогда как при решении вопроса о запустении городов Элады в эпоху империи привлечение археологического материала имеет важнейшее значение. В частности, следовало обратить внимание на интенсивность чеканки монеты в разные исторические эпохи. Так, за 35 лет раскопок в Коринфе было обнаружено 309 коринфских монет, относящихся к периоду независимости города (550—146 гг. до н. э.), и 443 коринфские монеты периода римского владычества (146 г. до н. э.— 212 г. н. э.); сюда следует еще прибавить находку 94 римских монет этого же времени².

О. В. Кудрявцев признает возможность использования «Метаморфоз» Апулея для характеристики Фессалии и некоторых областей Ахайи (стр. 57)³, однако оставляет в стороне интереснейший материал этого памятника, касающийся рабского труда, земельной аренды, антагонизма мелких и крупных собственников, религиозных чаяний и т. п. Не меньше данных можно было почерпнуть и из сочинений Лукяна, которые используются в рецензируемой работе крайне редко и не всегда достаточно убедительно. Известно, например, что Лукян о ростовществе говорит постоянно (в «Гимоне», «Переправе», «Петухе» и др.). О. В. Кудрявцев ссылается только на «Корабль». На стр. 303, ссылаясь на «Икароменипп», 24, он доказывает, что в «период империи оракул Додоны утратил прежнюю славу». Думаю, что эта ссылка на Лукяна является неправомерной: «Икароменипп» принадлежит к числу тех менипповых диалогов, в которых политические намеки на «современность» не выходят за пределы начала III в. до н. э. В частности, в том же 24-м параграфе «Икаромениппа» говорится, что афинский храм Зевса Олимпийца еще не достроен — на самом же деле во времена

¹ Впрочем, этот материал уже был использован А. Б. Р а н о в и ч е м. Восточные провинции Римской империи в I—III вв., М.—Л., 1949, стр. 231, прим. 1.

² К. М. E d w a r d s, Corinth, VI, 1933.

³ На стр. 108 автор, однако, высказывает сомнение в возможности привлекать этот памятник ввиду влияния на Апулея его «африканского окружения» (прим. 3).

Лукпана он был уже завершен. Кроме того, слова «Икаромениппа» об оракуле в Додоне вряд ли могут служить основанием для такого вывода, ибо Лукпан ставит Додону на один уровень с Олимпией. А что Олимпия играла крупную роль, не отрицает и О. В. Кудрявцев (стр. 206 сл.).

Недостаточно полно привлечены и некоторые другие авторы. О. В. Кудрявцев не использует слов Элия Аристида о подъеме Коринфа, рассказа Страбона об экономической активности Патр, известия Плутарха, свидетельствующие, что Коринф, Патры и Афины были крупными торгово-денежными центрами¹.

Совершенно не использованы в книге памятники раннехристианской литературы, в том числе и такие, которые имеют непосредственное отношение к Ахайе. Например, в Первом послании Климента, адресованном коринфянам, содержится интересная, хотя и довольно риторическая, картина социальных противоречий в христианской общине Коринфа, что, несомненно, отражало социальные противоречия в самом городе.

Разумеется, трудно ожидать, что использование этих литературных памятников может привести к каким-то принципиально новым выводам, однако при крайней скудности источников ими не следовало пренебрегать. Вызывает сомнения вопрос о феодальных элементах. Автор несколько раз подчеркивает, что «элементы феодального строя в недрах рабовладельческого общества Средиземноморья» появляются чуть ли не в I в. до н. э. (стр. 17—18), что в условиях ранней империи формируются элементы феодальных отношений (стр. 20), что «экстерриториальное поместье было эмбриональной формой феодальной собственности» (стр. 26). Вопрос о вытеснении феодальных отношений в недрах рабовладельческой системы до сих пор еще недостаточно ясен, и вряд ли стоило так решительно выдвигать это положение в данной работе, где оно не только не подкреплено фактическим материалом, но и прямо ему противоречит: О. В. Кудрявцев не видит в Ахайе элементов феодальных отношений (стр. 26, 33, 67, 104). Таким образом, постулируя (но не доказывая) тезис о том, что все Средиземноморье шло по пути формирования элементов феодальных отношений, видя, с другой стороны, что в Ахайе элементов феодальных отношений нет, автор вполне последовательно приходит к выводу, что в Элладе рабовладельческий способ производства «гнил на корню» (стр. 68, 347). Однако в этой цепи рассуждений выпадает важное звено — доказательство созревания элементов феодализма в Средиземноморье II века н. э.²

Самый факт кризиса в Элладе II века н. э. доказан, на мой взгляд, недостаточно строго. Центральный момент доказательства кризиса рабовладельческого строя в Элладе — это наличие дельфийских манумиссий (стр. 17, 66)³. Но ведь отпуск на волю рождается одновременно с рабством и сам по себе факт волюотпущенничества ничего не говорит о кризисе рабовладельческой системы. О. В. Кудрявцев прекрасно знает, что отпуск на волю имел место и во фракийских землях (стр. 304, прим. 2), где вряд ли можно говорить о кризисе рабовладельческой системы.

При этом статистическая обработка дельфийских манумиссий приводит к данным, которые плохо вяжутся с представлением о нарастании кризиса рабовладельческой системы производства в Элладе: в I—II вв. н. э. относительно уменьшается число рожденных в доме рабов и относительно увеличивается количество купленных⁴. К со-

¹ См., например, J. A. O. Larsen, ESAR IV, 471 слл.

² Нельзя сбрасывать со счета особенности периода III—V вв., отмеченные недавно С. И. Ковалевым (ВДИ, 1954, № 3, стр. 42 сл.): отсутствие класса-гегемона и наличие длительного периода после падения Римской империи, когда формировались феодальные отношения. Поэтому более правильно принять вместе с С. И. Ковалевым, что в недрах рабовладельческого общества зарождаются лишь предпосылки феодального способа производства. Отмечу, что и О. В. Кудрявцев иногда говорит о предпосылках феодального строя. Но он не отличает их от элементов феодализма.

³ В других местах (стр. 103—104) О. В. Кудрявцев ссылается, но уже в иной связи, на манумиссии из других мест.

⁴ В. Вестерман, Рабство в Римской империи, в кн. А. Валлон, История рабства в античном мире, ОГИЗ, 1941, стр. 590.

жалению, О. В. Кудрявцев не объясняет этого факта. Однако в свете этих данных трудно принять вывод относительно «уменьшения численности рабов» (стр. 105). Напомню, что А. Б. Равович считал, что вывод относительно уменьшения роли рабов в хозяйстве можно сделать только априори¹.

О. В. Кудрявцев говорит также о глубоком кризисе земельных отношений (стр. 93). Однако при современном состоянии источников вряд ли на этом можно настаивать так решительно. Для суждения об этом, помимо довольно риторических заявлений Страбона, Плутарха и Диона Хрисостома, может быть привлечена надпись IG, II—III² 2776, содержащая список 89 земельных владений². Надпись эта недостаточно ясна, но, как бы то ни было, она позволяет ставить вопрос об имущественной дифференциации в Аттике. Самый крупный земельный собственник Флавий Метро (...) обладает 12 участками общей стоимостью в 15 750 условных единиц (на стр. 85 ошибочно указано 15 700); самый маленький участок оценен в 208 единиц. При этом только шесть владений в 10 и более раз превосходят самый маленький участок. Вряд ли все это может быть истолковано как признак глубокого кризиса.

При этом для решения вопроса о судьбах мелкой земельной собственности следовало бы привлечь также «Метаморфозы» Апулея, где постоянно упоминаются огородники, садовники, мельники и пр.

Очень интересны факты, которые отмечает О. В. Кудрявцев, говоря о широкой политике эвергесий (стр. 114), об отсутствии стремления уклониться от магистратур (стр. 135), — но все эти факты плохо вяжутся с представлением о кризисе земельных отношений.

Вот почему мне кажется, что недостаточно аргументирован и вытекающий из этих рассуждений тезис автора: «подлинная история древней Эллады завершается III веком н. э.» (стр. 352). Археологический материал свидетельствует, что и в IV—VI вв. Эллада, точнее говоря — эллинские провинции Балкан, оставалась городской страной, росли и отстраивались не только такие города, как Коринф и Афины, но и второстепенные центры: Стобы, Новый Анхиал, Филиппы и др. Обилие монетных находок свидетельствует, что товарное производство было здесь развитым по меньшей мере до конца VI в. Как показал А. А. Васильев, еще в VII в. на Афины смотрели как на културный центр.

Позволю себе высказать также некоторые замечания, касающиеся истории идеологической жизни Эллады. Крайне бегло на стр. 285 затрагивает О. В. Кудрявцев такой вопрос, как распространение христианства: он ограничивается только упоминанием апологетов Аристиды и Атенатора, живших в Афинах. Вряд ли есть необходимость отвергать традиционную дату самосожжения Перегрина, приводимую Евсевием (165 г.), и относить его смерть к 167 г. (стр. 285). Противоречиво дается характеристика кинизма: с одной стороны, кинизм рассматривается как философская система, «пользующаяся особенным влиянием среди низших слоев городского населения» (стр. 277), как оппозиционная идеология, — и в то же время идеолог рабовладельцев, призывающий к насильственному выселению бедноты из городов, Дион, оказывается носителем «кинических идеалов» (стр. 99). Повидимому, следовало выделить различные направления, объединявшиеся под флагом кинизма.

В работе имеются повторения, некоторые мелкие погрешности редакционного и структурного порядка.

Встречаются неточные формулировки. Если на стр. 29 Эпир и Македония «целиком» отнесены к эллинистическим провинциям, то на стр. 33 сл. они характеризуются как провинции «переходного типа». Бегство афинских рабов к Декелею вряд ли могло содействовать разорению аттического крестьянства (стр. 37) — бежали рабы-ремесленники. Допущение, что Лемнос, Имброс и Пенарет освободились от афинского господства в связи с восстанием в Афинах в правление Августа (стр. 172), не кажется убедительным: ведь восстание, по Евсевию, произошло в последний год Августа (по

¹ А. Б. Равович, ук. соч., стр. 234.

² Там же, стр. 231—233; О. В. Кудрявцев, реценз. соч., стр. 81 слл.

Синкеллу — в 13 г. н. э.); вряд ли можно думать, что на Лемносе и на других островах после этого, но еще до смерти Августа, была организована чеканка монеты.

Все эти пожелания, сомнения и незначительные замечания не снимают высокой оценки рецензируемой книги. Всякий, кто в дальнейшем станет работать над историей Эллады в эпоху империи, кто будет исследовать общие закономерности развития Римской империи, обязательно должен изучить исследование О. В. Кудрявцева.

А. Каждан